
ЦЕНА ИМЕНИ

Strange Ghosst

Цена имени.

«Автор»
2026

Ghosst S.

Цена имени. / S. Ghosst — «Автор», 2026

Верра двенадцать лет отнимала у людей имена. Теперь орден охотится за её собственным, а сестра, которую она не помнит, ждёт её в горах. В ночь, когда звонит Колокол, придётся выбрать: взять имя мира или вернуть его.

© Ghosst S., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Цена имени 5
Оглавление 6
Часть первая. Сборщица 7
Глава 1. Должник 7
Глава 2. Магистр 10
Глава 3. Сточный мост 13
Глава 4. Оттиск 16
Часть вторая. Беглянка 19
Глава 5. Серая колонна 19
Глава 6. Договор 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Strange Ghosst
Цена имени.

Цена имени

Книга первая

Оглавление

Часть первая. Сборщица
• Глава 1. Должник
• Глава 2. Магистр
• Глава 3. Сточный мост
• Глава 4. Оттиск
Часть вторая. Беглянка
• Глава 5. Серая колонна
• Глава 6. Договор
• Глава 7. Лана
• Глава 8. Ищейки
• Глава 9. Тихие дети
• Глава 10. Кхарды
Часть третья. Хранители
• Глава 11. Белые и чёрные нити
• Глава 12. Тропа Имени
• Глава 13. Рябь на льду
• Глава 14. Рыбак
• Глава 15. Колокол
• Глава 16. Две птицы
Часть четвёртая. Ночь Колокола
• Глава 17. Красильщик
• Глава 18. Книга Первого Изъятия
• Глава 19. Триста ступеней
• Глава 20. До заката
• Глава 21. Совет
• Глава 22. Площадь Реестра
• Глава 23. Узел
• Глава 24. Имена
• Глава 25. Утро
Эпилог
• Белая нить

Часть первая. Сборщица

Глава 1. Должник

Дождь в Нерейне не падал, а оседал, как пепел. К вечеру лица у людей становились серыми, и никто уже не мог сказать, где грязь, а где усталость.

Верра Тайн стояла под козырьком сукновальной лавки на улице Трёх Мельниц и считала шаги за стеной. Тяжёлые, с шарканьем на левую ногу. Берен Осс спускался в подвал проверить товар. Он делал так каждый вечер одиннадцать лет, и ордену это было известно. Орден вообще знал о людях всё, что можно записать.

— Здесь точно стоит? — спросил за её плечом свидетель.

Его звали Дарн. Ему было семнадцать, серый плащ ещё сидел на нём как чужой, а в руках он держал дощечку с восковым слоем и стилос. Это было его третье изъятие. На первом его вырвало.

— Здесь тише всего, — сказала Верра. — Если не хочешь, чтобы тебя запомнили, не стой под фонарём.

— А мы разве не хотим, чтобы нас запомнили?

Она посмотрела на него. Он замолчал и опустил глаза. Хороший мальчик, подумала она, и ей не понравилась эта мысль.

Дверь лавки скрипнула. Колокольчик над ней был обмотан тряпкой, чтобы не звенел: Осс не любил шума. В полутьме пахло шерстью, мокрой кожей и воском. За прилавком стояла женщина в переднике, жена. Она подняла голову, увидела серый плащ, и руки у неё замерли над рулоном ткани.

— Он внизу, — сказала она тихо. Не спросила, а сказала, как говорят о покойнике.

— Я знаю.

— Он платил. Двадцать лет платил, с первого дня. Вы же знаете, что платил.

— Три года назад он перестал, — ответила Верра. — Орден не берёт долгов, госпожа Осс. Он берёт имена.

Женщина закусила губу. Верра прошла мимо, не задев её плечом. Это тоже было частью ремесла: не касаться. Прикосновение делало запоминание глубже.

Подвал оказался тесным и сухим. Берен Осс сидел на опрокинутой бочке между рулонами сукна и держал в руках свёрнутую бумагу. Он был крупный, лысеющий, с аккуратными усами, которые он, видимо, подстригал каждое утро. Увидев её, он не вскочил и не побежал. Только вздохнул.

— Сегодня, значит.

— Сегодня.

— Я думал, дадут неделю. Я продал склад на Мельничном, там почти хватает. Не хватает совсем немного, я принесу...

— Господин Осс. — Она достала из внутреннего кармана глиняную табличку размером с ладонь. На ней было вдавлено его имя, чётко и глубоко, как печать. — Запись подана. Решение принято. Я не могу его отменить.

— Не можете или не хотите?

Верра не ответила.

Дарн встал у лестницы, поднял стилос. Воск на дощечке тускло блеснул.

— Время вечернего колокола, третья четверть, — пробормотал он. — Изъятие по долгу хранения. Сборщица — Тайн. Свидетель — Дарн. Подтверждаю.

Осс смотрел на табличку. Потом заговорил быстро, как человек, которому осталось мало слов.

— У меня дочь. Мара. Ей одиннадцать, она учится читать. Она рисует овец на полях счётных книг, жена ругается, а я не хочу ругать. Скажите мне только одно. Она меня забудет? Совсем?

— Да.

— А вы?

Верра подняла глаза. В подвале стало очень тихо.

— Нет, — сказала она. — Я не забываю.

Он кивнул, как будто это было самое страшное из того, что она могла ответить, и вместе с тем единственное, что он хотел услышать.

— Тогда пусть хоть кто-то, — сказал он.

Она взяла табличку обеими руками. Глина была холодной. Каждый раз она была холодной, сколько бы ни пролежала у тела.

Изъятие нельзя совершить тихо. Нужно назвать человека вслух, полностью и без ошибки, ни единой буквы не пропустив: записанное имя, имя отца, год рождения. Ошибёшься в одной, и ритуал рвётся, имя возвращается к хозяину, а сборщица остаётся с пустыми руками и с головной болью, от которой слепнут. Верра за двенадцать лет ошиблась дважды. Оба раза в первый год.

— Берен Осс, сын Харга, рождённый в год Серой воды, — произнесла она.

Слова упали на глиняную табличку и впитались в неё. Табличка потеплела. Потом стала горячей. На руках Верры вздулись и побелели жилы. Знакомое чувство поднималось от запястий к горлу: сладкое, густое, как тёплый мёд. Сила. Чужая жизнь, превращённая в то, чем можно что-то делать. Ради этого чувства орден и держал сборщиков. И ради него же понемногу сводил их с ума.

— Берен Осс, — повторила она, и голос её ровно держался. — Сын Харга.

Осс сидел совершенно прямо. В последнюю секунду он взглянул на потолок, туда, где наверху ходила его жена, и губы у него шевельнулись. Дарну показалось, что он сказал «Мара».

Потом табличка рассыпалась пылью.

На бочке сидел человек и смотрел на свои руки. Просто смотрел, не удивляясь. Лицо у него разгладилось, как у младенца. Усы по-прежнему были аккуратно подстрижены, но теперь это был уже чей-то чужой, ничей труп, который ещё дышал.

Дарн всхлипнул и торопливо принялся что-то царапать на воске.

Наверху хлопнула дверь, и по лестнице начала спускаться женщина. Верра узнала шаги. Она могла бы уйти до этого, но не ушла. Это тоже было частью ремесла, самой тяжёлой частью.

Госпожа Осс остановилась на нижней ступени. Она посмотрела на Верру, на мальчика с дощечкой, потом на безымянного на бочке. И нахмурилась.

— Простите, — сказала она вежливо. — Кто вы такие? Вы что-то продаёте? Нам не нужно, у нас тут...

Она замолчала и снова посмотрела на мужчину, всматриваясь, как всматриваются в уличного нищего.

— И кто этот человек? Почему он в моём подвале?

Дарн отвернулся. Верра не отвернулась.

— Он пришёл за сукном, — сказала она. — Должно быть, заблудился. Выведите его на улицу. Он вас не тронет.

Женщина кивнула, всё ещё хмурясь, и взяла безымянного за локоть. Тот послушно встал.

Их обоих Верра проводила взглядом до двери.

На улице дождь стал гуще. Дарн шёл следом, прижимая дощечку к груди, и его трясло.

— Она его не помнит, — выговорил он наконец. — Вообще. Она же двадцать лет...

— Не думай об этом.

— А вы думаете?

— Каждый раз.

Он покосился на неё, но она больше ничего не сказала. На ходу, не шевеля губами, Верра повторяла про себя имя. Берен Осс, сын Харга. Берен Осс, сын Харга. Это был её счёт, её тайная бухгалтерия. Четыреста тридцать одно имя за двенадцать лет. Она помнила каждое. Помнила, что Лана Сэйр боялась воды, что у Тима Рорка был шрам на подбородке от кухонного ножа, что вдова Кульм пела, когда её уводили. Ни один сборщик ордена не помнил своих изъятых. Это было заложено в обряде: имя уходит, и память о нём уходит у всех, кроме того, кто его произнёс, и то лишь на время. Через год, через два обычный сборщик уже не мог вспомнить, кого именно вырвал. И считал это милостью.

С Верры милость не сработала.

Она спрятала руки в карманы. Правая сомкнулась на знакомой гладкой тяжести: на деревянной птичке размером с орех, вырезанной грубо, но с любовью. Крылья были нарисованы двумя косыми чёрточками. На дне птички кто-то выцарапал букву. «И».

Верра не помнила, откуда у неё эта вещь. Не помнила, кто вырезал, кто подарил, когда. Просто носила её с собой с тех пор, как себя помнила, и ни разу не выбросила.

— Сборщица Тайн.

Голос раздался сверху. На ступенях моста, перекинутого над сточным каналом, стоял человек в безупречно сухом сером плаще. Дождь, казалось, обходил его стороной. Тонкое лицо, светлые глаза, на губах тень улыбки, не добрая, а привычная, как рабочий инструмент.

Дарн вытянулся.

— Старший инквизитор Мэлвин.

— Свидетель, вы свободны, — не глядя на него, сказал Кейр Мэлвин. — Сборщица, Магистр желает вас видеть. Сегодня же, до ночного колокола.

— Что-то случилось?

— Вам объяснят. — Улыбка стала чуть шире. — Скажу лишь одно. Говорят, дело касается вас лично.

Он развернулся и ушёл, не дожидаясь ответа. Дождь сомкнулся за ним, как вода.

Верра осталась стоять на месте. Пальцы в кармане сжимали деревянную птичку так сильно, что дерево впивалось в ладонь. Двенадцать лет она вырывала чужие имена и ни разу не боялась. Это была её работа, её порядок, её способ держать мир в равновесии.

Сейчас, посреди нерейнского дождя, ей стало страшно. И самое страшное было то, что она не знала почему.

Глава 2. Магистр

Цитадель Реестра не имела окон. Те, что были когда-то, замуровали, потому что свет выцветает чернила, а чернила в Цитадели берегли больше, чем людей.

Кейр Мэлвин шёл впереди и не оборачивался. Верра слышала, как стучат по камню его каблуки, и считала ступени, как считала всё: сто двенадцать до первого яруса, ещё сорок до Зала Записей. По обе стороны коридора, от пола до сводчатого потолка, уходили полки. На каждой лежали глиняные таблички, и на каждой было вдавлено имя. Миллионы имён. Тех, кого орден «хранил». Тех, кого ещё не взял.

В детстве, думала Верра, она бы побоялась этого места. Но детства у неё в памяти не было, и бояться ей было нечего.

— Ты молчалива, — заметил Кейр, не повернув головы.

— Я всегда молчалива.

— Сегодня особенно. Говорят, ты замешкалась в подвале. Свидетель доложил, что ты разговаривала с должником дольше, чем требует устав.

— Свидетель молод.

— Свидетель честен. Это хуже.

Он остановился у лестницы, ведущей на верхний ярус, и теперь всё-таки посмотрел на неё. Лицо у него было гладкое, красивое, чуть уставшее: лицо человека, которому никогда не приходилось спорить с тем, что он делает. Но глаза цеплялись за её руки. За правый карман.

— Магистр ждёт, — сказал он. — Постарайся не расстроить его.

Кабинет Магистра находился на самой вершине башни, и это было единственное помещение в Цитадели, где было окно. Одно, узкое и высокое, выходившее на Нижний город. Верра всегда подозревала, что Орсен Валь велел оставить его нарочно: чтобы смотреть на тех, кого ордену ещё предстоит спасти.

Магистр сидел у стола с чашкой в руках. Он был худ, высок, с седыми волосами, зачёсанными назад, и в свете свечи казался почти прозрачным. Верра заметила это в первый же год службы и больше не замечала, как не замечаешь привычного. Но сегодня она увидела, что пальцы, которыми он держал чашку, не бросают тени.

— Верра. — Голос у него был тихий, как всегда. — Садись. Ты промокла.

— Это дождь, Магистр.

— Это всегда дождь, дитя. Садись.

Она села. Он налил ей чаю из чайника, который стоял на жаровне, и пододвинул чашку. Пар поднимался от неё ровно, медленно, и Верре вдруг пришло в голову, что за все двенадцать лет она ни разу не видела, чтобы Магистр пил сам.

— Берен Осс, — сказал он. — Чисто?

— Чисто.

— Ты не ошиблась ни в одной букве.

— Нет.

— Ты никогда не ошибаешься. — Он улыбнулся, и улыбка была настоящей. Это было самое страшное в нём: он не притворялся. — Я помню, как ты пришла к нам. Тощая, испуганная, с этими глазами. Они сказали, что ты безнадёжна. Что ты не удержишь ритуал.

— Я помню.

— Конечно, помнишь. Ты единственная, кто помнит всё. — Он поставил чашку. Рука у него дрогнула, и фарфор звякнул о блюдце. — Поэтому я и прошу тебя об этом.

Он достал из ящика стола табличку. Чистую, без единой отметки, гладкую, как галька. Положил её на стол между ними.

— Девушка, — сказал он. — Нижний город, дом у Сточного моста, чердак над красильней. Зовут Ила.

Верра не пошевелилась. Она смотрела на табличку и чувствовала, как в правом кармане, под её пальцами, деревянная птичка вдруг стала тёплой.

— Ила кто? — спросила она.

— Просто Ила.

— В реестре должна быть запись. Имя, имя отца, год.

— В реестре нет. — Магистр сложил руки. — Вот почему я говорю с тобой, а не с Кейром. Она не записана. Нигде. Ни в одной книге, ни в одной приходской росписи, ни в одной налоговой ведомости. Её как будто никогда не рождали.

— Это невозможно.

— Невозможно, — согласился он. — Тем не менее она существует. И, судя по всему, она давно, очень давно прячется от нас, а теперь перестала.

— Чем она опасна?

— Пока ничем.

— Тогда зачем?

Магистр помолчал. За окном дождь шёл по крышам Нижнего города, и в этой серой мути неясно мерцали огни. Верра заметила, что он смотрит не на них, а на неё. Внимательно, почти с нежностью, как смотрят на давно потерянную вещь, которая вдруг нашлась.

— Потому что я боюсь, — сказал он наконец. — А я, как ты знаешь, не люблю бояться.

— Чего?

— Того, что она знает. — Он улыбнулся. — Ты справишься, дитя. Ты справлялась с худшим.

— Как мне изъять имя, которого нет в реестре?

— Ты узнаешь его, когда увидишь её.

— Это против устава.

— Устав, — мягко сказал Орсен Валь, — пишу я.

Она взяла чистую табличку. Глина была холодной, как всегда. Верра встала, поклонилась, как положено, и пошла к двери. У порога её настиг его голос:

— Верра.

Она обернулась.

— Ты не потеряла ничего? — Он спросил это так же тихо, как всё остальное. — В последнее время. Ты не заметила, что что-то пропало?

Она смотрела на него секунду. Потом сказала:

— Нет, Магистр.

Он кивнул. И Верра поняла, что только что соврала ему впервые за двенадцать лет.

В нижнем зале Записей было пусто. Только старик в чернильном фартуке сидел за столом под лампой и перебирал таблички, перекладывая их из одной коробки в другую. Отец Хало. Архивариус. Он был сед и сутул, и руки у него вечно были в чернилах, а глаза — слезящиеся, красные от бессонных ночей над реестром.

Верра прошла мимо, не поздоровавшись. Это тоже было частью порядка: сборщики не разговаривали с архивариусами. Но когда она поравнялась со столом, старик кашлянул. Как кашляют, когда хотят привлечь внимание и не хотят, чтобы заметили.

— Сборщица Тайн, — сказал он, не поднимая головы.

Она остановилась.

— Вы потеряли кое-что. — Хало протянул ей маленький лист бумаги, сложенный вчетверо. — Выпало из вашего личного дела. Случайно.

Она взяла лист. Он был тёплый от его руки.

— Проверьте, — прошептал старик, и его голос был едва слышен за шорохом дождя. — Страницы с девятой по четырнадцатую. Их нет. Их давно нет.

Потом он снова склонился над табличками, и Верра пошла дальше, чувствуя, как бумага жжёт ей ладонь.

В своей комнате, под крышей дома ордена на улице Колокольной, она долго не зажигала свечу.

Потом зажгла. Разложила на столе всё, что у неё было. Чистая глиняная табличка. Лист от Хало, который она ещё не развернула. И деревянная птичка с двумя косыми чёрточками на крыльях.

Она перевернула птичку. На дне была выцарапана буква.

«И».

Верра сидела, пока свеча не оплыла до половины. За окном дождь стучал по черепице, как чьи-то пальцы, как чей-то нетерпеливый счёт. Она прошептала вслух то, что не должна была шептать, и слово прозвучало странно, будто чужое и очень старое:

— Ила.

Где-то в глубине её памяти, там, где двенадцать лет была чистая, выскобленная пустота, что-то тихо отозвалось.

Глава 3. Сточный мост

Записку Хало она прочла на рассвете, когда в окне ещё не было ничего, кроме серого пятна.

Почерк был мелкий, торопливый, в нескольких местах чернила расплылись от влажных пальцев.

«Страницы вырезаны ножом, не пером. Кто-то хотел, чтобы вы не нашли даже следа. Допуск к вашему делу подписан не Магистром, а при нём. Не доверяйте Кейру Мэлвину. И не доверяйте тем, кто зовёт вас «дитя»».

Верра перечитала последнюю строчку трижды. Потом поднесла лист к свече и смотрела, как огонь съедает слово за словом, пока не осталась только горстка чёрных хлопьев. Она ничего не решила. Решения были не её работой. Её работой были имена.

Поэтому она надела плащ, сунула в карман чистую табличку и пошла в Нижний город.

У Серой Решётки стража пропускала сборщиков не глядя. Один из караульных даже козырнул, и она с неприязнью подумала, что завтра он, возможно, и не вспомнит её лица. Не потому, что орден заберёт его имя. Просто так устроены люди, живущие рядом с тем, что лучше не помнить.

Нижний город встретил её запахом сырой шерсти, угольной гари и стоялой воды. Узкие улицы, нависающие друг над другом дома, бельё, которое никогда не просыхало. И безымянные.

Они шли по улицам утренними колоннами, как ходят рабочие на фабрику: плечом к плечу, молча, с ровным шагом. Гладкие лица, спокойные глаза. Орден кормил их баландой и давал каждому койку в бараке, а они в ответ таскали мешки, чистили стоки, красили ткани. Никто не плакал. Никто не жаловался. Никто не смеялся. Пустые оболочки, как называла их Верра в мыслях, когда ей хотелось быть жестокой.

Сегодня она впервые смотрела им в лица. Не сквозь них, а в них. Искала. Четыреста тридцать одно имя, и каждое имело лицо, которое она помнила так ясно, будто видела вчера. Вот этот, сутулый, с родинкой у уха, мог быть Тимом Рорком. А эта женщина с косой, перекинутой через плечо, могла бы быть Ланой Сэйр…

Но ни одна из них не повернула головы.

Сточный мост был старым, горбатым, с обвалившимися перилами. Под ним в чёрной воде плыли щепки и мусор, и от воды поднимался густой, сладковатый пар. На ступенях сидел человек.

Он был тощ, лет сорока, в рваной шерстяной куртке, и плёл из обрывка верёвки что-то вроде петли. Безымянный, это было видно сразу: по ровным, спокойным движениям, по взгляду, который ни за что не цеплялся. Но он напевал. Тихо, под нос, какой-то мотив без слов.

Верра прошла мимо.

— Левая ступенька гнилая, — сказал он.

Она остановилась.

Он не поднял глаз. Пальцы продолжали перебирать верёвку.

— Что?

Никакого ответа. Только мотив, тихий, ровный, и пальцы, и пар над водой.

Верра постояла ещё несколько секунд. Потом пошла дальше.

Красильня стояла у самого моста, и от неё над всей улицей висело густое синее облако. Чан за чаном, вонь купороса и щёлока, безымянные у котлов, помешивающие варево длин-

ными шестами. Лестница на чердак была снаружи, деревянная, перекошенная, с рассохшимися ступенями.

На третьей снизу доска проломилась под её ногой ровно настолько, чтобы Верра успела отдёрнуться. Левая. Гнилая.

Она перешагнула.

Дверь на чердак была не заперта. За ней оказалась одна комната, тесная, под самой крышей, с косым потолком и единственным окном. У окна, спиной к двери, сидела женщина и штопала что-то на коленях. Тёмные волосы, заплетённые в длинную косу. Узкие плечи. Рядом на подоконнике стояла чашка с остывшим чаем.

— Ты пришла раньше, — сказала женщина, не оборачиваясь. — Я думала, он даст тебе ещё день.

Голос был негромкий, спокойный, чуть хрипловатый. Верра почувствовала, как у неё сжалось что-то внутри, там, где ничему не полагалось сжиматься.

— Ила?

— Закрой дверь. Сквозняк.

Верра закрыла.

Женщина повернулась. Ей было лет двадцать пять, может, больше, и лицо у неё было не похоже ни на одно из тех, что Верра помнила по именам. Высокий лоб. Тонкие губы с чуть опущенными уголками. Бледные, почти прозрачные глаза. Верра смотрела на неё и не могла отделаться от странного чувства, будто заглядывает в чужое зеркало, в котором отражение живёт своей жизнью и не торопится повторять за ней.

— Ты меня знаешь, — сказала Верра.

— Знаю.

— Откуда?

— Это длинный разговор. — Ила отложила шитьё. — У нас его нет.

Верра достала из кармана чистую табличку. Глина была холодная, гладкая, неподписанная. Она подняла её, как поднимала сотни раз, и открыла рот, чтобы произнести слова.

И не смогла. Не потому, что не хотела. Потому что слова не пришли. Было пусто, как в доме, из которого вынесли всю мебель. Не было ни имени, ни имени отца, ни года. Только эта женщина у окна, с бледными глазами, и тишина.

— Не получится, — мягко сказала Ила. — Я не записана.

— Я знаю.

— Тогда зачем пришла?

— Приказ.

Ила рассмеялась. Тихо, коротко, без радости. Это был смех человека, который слышит давно знакомую шутку.

— Двенадцать лет, — сказала она. — Двенадцать лет, и всё ещё «приказ».

— Откуда ты знаешь, сколько лет?

— Я считаю. — Ила пожала плечами. — Ты тоже.

Верра опустила табличку.

Только теперь она заметила, что Ила смотрит не на неё, а на её правую руку, на карман, из которого между пальцами выглядывало деревянное крыло.

— Ты её сохранила, — сказала Ила, и голос у неё впервые дрогнул.

— Что это?

— Не сейчас.

— Кто ты?

— Не сейчас, Вер. — Ила встала. Двигалась она осторожно, как ходят по тонкому льду. — Если ты вспомнишь сейчас, здесь, он поймёт. Он почувствует. Он всегда чувствовал.

Вер.

Верра не слышала этого слова двенадцать лет. Не слышала? Она не помнила, чтобы слышала. Но от него по спине побежал холод, а в груди вдруг заныло так сильно, что пришлось опереться о стену.

— Ты кто такая? — повторила она шёпотом.

Ила подошла к окну и осторожно отодвинула занавеску. На крыше дома напротив, прижавшись к трубе, сидел человек в сером. Он не двигался. Просто смотрел.

— Наблюдатель, — сказала Ила. — Ордена. Он здесь с рассвета. Они знают, что ты пришла.

— Откуда они…

— Не оборачивайся. — Она задёрнула занавеску. — Сделай вид, что ты пыталась. Скажи им, что имя не берётся. Что у меня его нет. Что я пустая. Они поверят, потому что ты не лжёшь.

— Я солгала вчера.

Ила посмотрела на неё. Долго, внимательно, и в бледных глазах мелькнуло что-то похожее на гордость.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, ты ещё жива.

На мосту человек в рваной куртке всё ещё сидел на ступенях и плёл верёвку.

Верра шла мимо, глядя перед собой. Горло у неё было сухое. Она чувствовала на спине взгляд наблюдателя с крыши, и взгляд Илы из окна, и ещё какой-то третий взгляд, ничей, старый, как будто это сам город смотрел ей вслед.

— Перешагнула, — сказал безымянный.

Она остановилась.

— Молодец. — Он по-прежнему не поднимал головы. Голос был ровный, лишённый интонаций. — Она всегда напевала, когда штопала.

Над водой поднимался сладковатый пар. Человек на ступенях замолчал, и вдруг, едва слышно, снова завёл свой мотив. Но теперь Верра слушала.

Это была колыбельная. Простая, детская, с тремя нотами и одним повтором. Она не знала слов. Но откуда-то, из той глубины, где двенадцать лет была выскобленная пустота, всплыла строчка, и губы Верры сами произнесли её, беззвучно, как молитву:

Пташка-невеличка, кто тебя назвал?

Человек на ступенях улыбнулся. Впервые.

И Верра побежала.

Глава 4. Оттиск

Она не пошла к Магистру. Не вернулась в свою комнату. Не стала даже притворяться, что у неё есть план. Ноги принесли её к Цитадели сами, как приносят домой лошадь, у которой нет другого пути.

К ночи дождь утих, и Нерейн стоял в густом, сыром тумане, в котором фонари казались размытыми жёлтыми пятнами. У ворот дежурил Дарн. Увидев Верру, он вскинулся, но она только покачала головой, и он, помедлив, отступил в тень.

— Я не докладывал, — прошептал он ей вслед. — Про подвал. Про то, что вы сказали должнику. Я написал только время.

Она не ответила. Ей нечего было ответить мальчику, который в семнадцать лет уже учился выбирать, какую правду записывать.

Зал Записей ночью был похож на подводную пещеру. Тысячи полок, тысячи глиняных табличек, и над ними, в самом дальнем углу, одна-единственная лампа. Хало сидел под ней, как сидел, наверное, последние сорок лет, и перебирал чужие имена.

— Вы прочли записку, — сказал он, не поднимая головы.

— Сожгла.

— Правильно. — Он вздохнул, отложил табличку и тяжело поднялся. Колени у старика хрустнули. — Пойдёмте. Только тихо.

Он повёл её в глубину зала, мимо рядов, где таблички лежали уже не на полках, а в ящиках, и ящики были заперты на медные замки. Потом вниз, по узкой лестнице, которой Верра прежде не замечала, в тесное подвальное помещение, пахнущее мышами и старой кожей. Там стоял железный шкаф. Хало достал из кармана ключ на кожаном шнурке и отпер его.

— Личные дела сборщиков, — сказал он. — Здесь лежат те, кого мы называем вторым реестром. Те, чьи имена орден хранит не для защиты, а для контроля.

Он вытащил тонкую папку. На корешке стояло: *«Тайн, В.»*.

— Я видел её много лет назад, — сказал старик. — Тогда в ней было больше страниц. Но с тех пор она ни разу не открывалась. Вы понимаете? Ни разу. Папка закрыта двенадцать лет, и всё это время кто-то держал на неё руку.

Он открыл её. Верра заглянула через его плечо.

Страницы с первой по восьмую были обычными: дата поступления, имя, возраст, краткая характеристика. «Устойчива к изъятию. Рекомендована к обучению». Потом шла пустота. Ровные, аккуратные срезы вдоль корешка. Девятая. Десятая. Одиннадцатая. Двенадцатая. Тринадцатая. Четырнадцатая. Вырезанные чем-то очень острым, одним движением, а потом папка снова сшита, так что на первый взгляд ничего не заметно.

— Я нашёл только это, — сказал Хало.

Он поднёс лампу ближе и осторожно перевернул восьмую страницу. На её обратной стороне, едва заметно, как след от сырой ткани на бумаге, виднелись зеркальные тёмные пятна.

— Оттиск, — прошептал он. — Писцы всегда присыпают чернила песком, но в спешке не всегда успевают. Когда страницы лежат друг на друге в папке, часть чернил остаётся на соседних. Если смотреть в зеркало…

Он достал из ящика маленькое медное зеркальце, поставил его под нужным углом и отступил.

Верра наклонилась. Строчки лежали вверх ногами и задом наперёд, расплывчатые, наполовину стёртые. Она читала их, как читают письмо, которое оставили на дне колодца.

«…запечатание имени В. Т. … произведено добровольно… исполнитель И. Т. … до достижения девяти лет … носитель — малая деревянная вещь, хранится у В. Т. …»

Ниже, ещё мельче, чей-то другой, торопливый почерк, но смысл ей не удалось разобрать.

И. Т.

Верра выпрямилась. В голове у неё стало совсем тихо, как бывает после очень громкого звука.

— И. Т., — повторила она.

— Я не знаю, кто это, — сказал Хало. — Но я знаю фамилию. Тайн. Не ваше выдуманное, не орденское. Настоящее. В реестре нет другой записи с этим именем, кроме вашей. Значит, кто-то нарочно…

Он не договорил. Наверху, где-то в глубине зала, глухо хлопнула дверь.

Хало замер. Потом очень медленно, очень аккуратно закрыл папку и вернул её в шкаф. Захлопнул дверцу. Повернул ключ.

— Кейр, — сказал он одними губами.

Шаги спускались по лестнице. Неторопливые, ровные, с коротким стуком каблуков. Верра узнала бы их среди тысячи. Хало схватил её за локоть, потащил к дальней стене, за шкаф, и там, в нише, которую не заметил бы никто, кто не знал, куда смотреть, оказался квадратный люк, закрытый железной крышкой.

— Подъёмник для книг, — прошептал он. — Старый. Его закрыли ещё при прежнем Магистре. Он выходит в сточный канал под Цитаделью.

— А вы?

— Я старик. Меня не тронут. — Он улыбнулся, и в красных глазах блеснули слёзы. — Идите. Идите, дитя.

Верра дёрнулась от этого слова. Хало заметил, и лицо у него стало растерянным.

— Простите. Привычка.

Она нырнула в люк и услышала, как над ней со скрежетом встаёт на место крышка.

Голос Кейра Мэлвина донёсся откуда-то издалека, приглушённый железом и камнем. Он говорил вежливо, почти ласково:

— Отец Хало. Вы не видели сборщицу Тайн?

— Нет, инквизитор.

— Странно. Мне донесли, что она пришла сюда.

Дальше Верра не слушала. Она уже ползла вниз по узкому желобу, обдирая локти о ржавое железо, пока тьма не сомкнулась над ней, как вода.

Сточный канал под Цитаделью пах так, как пахнет место, куда город сбрасывает всё, что не хочет помнить. Вода доходила ей до колен, чёрная и густая, и по ней плыли щепки и что-то мягкое, о чём лучше было не думать. Верра шла вдоль стены, придерживаясь рукой за скользкие камни.

Над головой, сквозь сотни слоёв камня и земли, раздался удар колокола.

Один.

Она остановилась.

Два.

Колокол Изъятия звонил только в двух случаях: когда орден объявлял новую цель, и когда он объявлял сборщика предателем. Верра знала, что будет дальше, потому что сама объявляла этот звон другим. Три удара, пауза, снова три. Потом глашатаи на площадях, потом листки на дверях, потом сотни тихих людей с серыми повязками, которым не нужно будет приказывать дважды.

Три.

Сборщица Верра Тайн нарушила устав. Имя её будет взято при поимке.

Она почти рассмеялась. Её имя нельзя было взять: оно было запечатано, и это единственное, что в ней до сих пор считали достоинством. Но потом она вспомнила лицо Кейра, его улыбку, его глаза, цеплявшиеся за её карман, и смех застыл у неё в горле.

Он знал способ. Иначе не стал бы звонить.

Она ускорила шаг. Канал вёл вверх, в темноту, где вода становилась мельче, а воздух холоднее. Дважды ей приходилось пригибаться под низкими сводами, один раз пришлось переплыть глубокий участок, держа над головой деревянную птичку. Наконец впереди показался слабый серый свет, и она выбралась на скользкую каменную ступеньку.

Сточный мост нависал над ней чёрной аркой. Над водой всё ещё поднимался сладковатый пар. А на нижней ступеньке, спиной к ней, сидел человек в рваной шерстяной куртке и плёл из верёвки петлю.

Он не обернулся.

— Левая ступенька, — сказал Тэм. — Она теперь держит. Я её подправил.

Верра стояла по колено в воде, мокрая, дрожащая, с деревянной птичкой в сведённой руке. Над городом гудел колокол. Где-то там, наверху, люди с серыми повязками уже выходили на улицы.

— Откуда ты знаешь, что я приду? — спросила она.

Тэм наконец поднял голову. У него были спокойные, ровные, пустые глаза. Но в самой глубине, на дне, шевельнулось что-то живое, как рыба под льдом.

— Не знаю, — сказал он. — Но я ждал.

Часть вторая. Беглянка

Глава 5. Серая колонна

Тэм не стал ничего объяснять. Он просто встал, отряхнул колени и пошёл вдоль канала, не оглядываясь, как ходят люди, которым не нужно проверять, идут ли за ними.

Верра пошла следом. Другого выбора у неё не было.

Они двигались переулками, которых она не знала, хотя двенадцать лет ходила по этому городу. Узкие щели между домами, дворы, где сушилось серое бельё, чёрные лестницы, ведущие в никуда. Тэм ни разу не колебался. Он знал, где поворачивать, где пригнуться, где переждать, пока пройдёт патруль. Дважды он останавливался и поднимал руку, и Верра замирала вместе с ним, прижавшись к стене, а мимо по улице, мягко ступая, проходили люди с серыми повязками на рукавах. Они шли парами, не разговаривали и смотрели в окна.

— Откуда ты знаешь дорогу? — шёпотом спросила она, когда последняя пара скрылась за углом.

Тэм наморщил лоб. Это было странное, неуверенное движение, как будто мышцы лица давно разучились делать что-то, кроме покоя.

— Не знаю, — сказал он. — Ноги знают.

— Ты помнишь, кто ты?

— Нет.

— Помнишь, как тебя звали?

Он долго молчал. Потом сказал медленно, подбирая слова, как человек, перебирающий ключи в темноте:

— Соль. Много соли. И кто-то говорит, чтобы я не лез в воду. Это всё.

Верра отвернулась. У неё было четыреста тридцать одно имя, и ни одного из них она не могла назвать вслух, не рискуя понять слишком многое.

На рассвете они вышли к речным воротам.

Город кончался здесь резко, как обрезанный: последний каменный дом, потом широкая площадь с рядами складов, а дальше чёрная вода канала, по которому орден отправлял всё, что Нерейн не хотел держать у себя. Уголь, шерсть, окрашенные ткани. И рабочих.

Верра увидела колонну издалека. Они стояли на площади в шеренгах по десять, в одинаковых серых балахонах, и ждали погрузки. Безымянные. Сотни. Их везли на побережье партиями, раз в месяц, на солеварни и в порт, где не хватало рук.

Тэм остановился в тени склада и посмотрел на неё.

— Нет, — сказала Верра.

— Они не смотрят на безымянных.

— Я не…

— Ты умеешь, — сказал он. — Ты сама этому училась.

Она хотела возразить, но он был прав. Она изымала имена двенадцать лет. Она знала, как выглядит лицо, из которого вынули всё. Знала, что у него нет выражения, что оно не напрягается и не расслабляется, что оно просто есть, как есть камень.

Тэм протянул ей серый балахон. Откуда он его взял, Верра не спросила. Она надела его поверх мокрой одежды, натянула капюшон и стёрла с лица всё, что там было. Страх, гнев, усталость, ту самую пустоту, которая появилась, когда Ила назвала её Вером.

Потом шагнула в шеренгу.

Стражник шёл вдоль рядов и считал. Он не смотрел в лица. Он тыкал пальцем в каждую шестую голову и бормотал под нос цифры. Верра чувствовала его приближение кожей, как чувствуют холод от открытой двери. Раз. Два. Три. Пальцы, влажные и тяжёлые, остановились на плече соседа. Четыре. Пять.

Он дошёл до неё.

Шесть.

И прошёл дальше.

Верра не вздохнула. Она продолжала дышать так, как дышит безымянный: ровно, неглубоко, без мыслей. Только пальцы, спрятанные в рукаве, судорожно сжимали деревянную птичку.

Баржа была длинная, плоская, с низкими бортами, и пахла солью, дёгтем и мокрой шерстью. Безымянных загнали внутрь, как скот: стоя, плечом к плечу, по сотне на судно. Лодочник, одноглазый, угрюмый, пересчитал их, сплюнул за борт и оттолкнулся шестом от причала.

Верра стояла у борта, там, где была щель между досками, и смотрела, как Нерейн медленно уплывает назад. Чёрные башни Цитадели, серые крыши, дым над красильнями. Колокол всё ещё гудел где-то в глубине города, но звук уже стал глухим, будто доносился из-под воды.

Тэм стоял рядом, неподвижный, как все остальные.

Справа от неё кто-то задрожал.

Это была женщина. Невысокая, худая, с косой, перекинутой через плечо. Верра заметила её ещё на площади: тот же ровный шаг, тот же пустой взгляд. Но сейчас, когда баржа вышла на открытую воду и борта начали раскачиваться, женщина вдруг вцепилась в поручень обеими руками. Её плечи ходили ходуном. Губы шевелились, беззвучно, без слов.

Верра смотрела на неё и не могла отвести глаз.

— Лана, — сказала она тихо.

Женщина не обернулась. Она не знала этого слова. Она не знала, что оно когда-то было её. Но тело, глупое, упрямое тело, помнило то, что забыла голова: что вода — это страшно, что вода — это то, чего она всегда боялась.

Верра шагнула ближе. Она не знала зачем. Протянула руку и, не касаясь, остановила её над плечом женщины. Потом убрала. Прикосновение сделало бы запоминание глубже, а она не имела права делать запоминание глубже.

— Лана Сэйр, — повторила она. — Дочь Миры. Двадцать семь лет назад. Ты боялась воды.

Женщина продолжала дрожать. Баржа плыла. Серая вода плескалась о борт.

Тэм, стоявший рядом, не повернул головы, но сказал очень тихо:

— Ты не первая, кто называет нас по имени.

— Что?

— Там, на барже, где-то. В прошлый раз. — Он наморщил лоб. — Кто-то шептал. Тоже по имени. Не помню.

Верра похолодела.

— Кто?

— Не помню, — повторил он. — Просто знаю, что это было.

Морем запахло ещё до того, как оно показалось.

Сначала в воздухе появилась соль, густая, острая, ложившаяся на губы. Потом чайки. Потом канал расширился, берега ушли в стороны, и впереди, на горизонте, встала серая полоса, которая через час превратилась в линию причалов, мачт и белёсых от соли домов.

Сал-Мирра.

Вольный порт встретил их шумом: крики грузчиков, скрип канатов, ругань торговцев на трёх языках. Безымянных высаживали на каменный пирс партиями по двадцать, и угрюмые надсмотрщики вели их к баракам. Верра шла в строю, не поднимая головы. Тэм шёл рядом.

У третьего склада он вдруг свернул вбок. Не резко, не заметно, просто сделал шаг, потом ещё один, и оказался в проёме между двумя штабелями бочек. Верра, не раздумывая, шагнула за ним.

И почувствовала холодное острие под подбородком.

— Привёл, — сказал женский голос. Низкий, спокойный, с лёгкой насмешкой. — Я уж думала, не дойдёшь.

Тэм стоял, глядя в никуда. Он не удивился и не испугался.

Верра медленно, очень медленно подняла глаза.

Женщине было лет тридцать пять. Короткие тёмные волосы, обритые на висках, смуглое лицо в мелких шрамах, как будто его когда-то исцарапали о рыболовную сеть. На руках, от запястий до локтей, шли татуированные строчки мелким, плотным почерком. Верра узнала в них имена. Десятки имён, вколотых под кожу чёрной краской.

— Верра Тайн, — сказала женщина. Нож не дрогнул. — Двенадцать лет назад. Одиннадцатая улица. Ты помнишь?

Верра помнила. И ответила, прежде чем успела подумать, тем же ровным, механическим голосом, которым двенадцать лет называла чужие имена в чужих подвалах:

— Рэнн Ловчий. Сын Асты. Родился в год Тёмного прилива. Девятнадцать лет.

Нож чуть-чуть, на волос, отошёл от её горла.

Женщина смотрела на неё. Бледно, неподвижно, как смотрят на призрака, который наконец заговорил.

— Ты помнишь, — сказала она.

— Я помню всех.

— Все двенадцать лет?

— Все.

Сия Ловчая, а это могла быть только она, убрала нож. Медленно, как будто боялась, что руки сделают что-то без неё. Потом посмотрела на Тэма, на безымянных, идущих мимо по пирсу, на серый балахон на плечах у Верры. И криво, нехорошо усмехнулась.

— Тогда, сборщица, ты мне и нужна.

Глава 6. Договор

Убежище подполья находилось под рыбной лавкой на улице Трёх Сельдей. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через лавку, где пахло льдом и потрохами, потом спуститься в погреб, потом открыть бочку без дна, и только тогда начиналась лестница, ведущая ещё ниже, в сухую каменную комнату с низким потолком.

Сия шла впереди и не оглядывалась. Тэм следовал за ней, как собака, привыкшая ходить за хозяином. Верра замыкала шествие и мысленно считала шаги, как считала всё, что хотела сохранить.

В комнате стоял длинный стол, заваленный бумагами, чернильницами и глиняными табличками, но не такими, как в Цитадели. Эти были мятые, надтреснутые, с неровными надписями, нацарапанными то ли гвоздём, то ли ножом. Вдоль стен лежали тюфяки. На одном спал мальчик лет десяти, укрытый чьим-то плащом. На другом сидел старик с обмотанной головой и что-то штопал.

— Не пугайся, — сказала Сия, не оборачиваясь. — Они знают, что ты придёшь. Я им сказала.

— Ты знала?

— Тэм три дня ходил к Сточному мосту. Я знала, что он кого-то ждёт.

Верра посмотрела на безымянного. Тот стоял у двери, смотрел в стену и, казалось, не слышал ни одного слова.

— Садись, — сказала Сия.

Она сама села по другую сторону стола и положила нож перед собой, лезвием к Верре. Не угрожающе, а так, как кладут на стол то, что может понадобиться. Потом закатала рукава.

Верра уже видела татуировки у причала, но тогда она была слишком занята ножом. Теперь у неё было время рассмотреть. Строчки шли вдоль обеих рук, от запястий до локтей, мелкие, плотные, чёрные. Десятки имён. Сотни? Над каждым стояла короткая пометка: дата, место, иногда одно слово.

— Это то, что ты возвращаешь, — сказала Верра.

— Это то, что я теряю. — Сия повернула левую руку тыльной стороной вверх. Над запястьем, чуть светлее остальных, шла строчка: *«Сия Ловчая. Тридцать пять лет. Сестра Рэнна»*. — Каждый раз, когда я возвращаю чужое имя, часть моей памяти уходит на его место. Чтобы не потерять себя совсем, я записываю. Каждое утро читаю руки. Это моё имя, а это мои дела, а вот здесь, — она коснулась пальцем места ниже локтя, — то, что я когда-то любила. Я уже не помню, почему любила. Но написано, что любила, и я верю.

— Почему ты это делаешь?

Сия посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Потому что кто-то должен, — сказала она. — И потому что у меня был брат.

Рэнн Ловчий был писцом.

Он родился в Сал-Мирре, в семье рыбаков, и с детства умел писать лучше всех на побережье. В девятнадцать лет его взяли в Нерейн, в Цитадель, переписывать записи реестра. Хорошее место, почётное. Он присылал сестре письма, в которых хвастался обедами и новой одеждой. Потом письма перестали приходить.

— Ты помнишь, как его взяла? — спросила Сия.

Верра молчала.

— Ответь.

— Ночью. В его комнате при Цитадели. Приказ Магистра Валя. Основание: нарушение молчания.

— Какого молчания?

Верра подняла глаза.

— Мне не сказали.

Сия кивнула. Лицо у неё было непроницаемое.

— Он написал мне одно письмо перед тем, как это случилось, — сказала она. — Я его не сохранила. Сожгла, дура. Но я помню слова. «В Цитадели есть папка, из которой вырезали страницы. Я видел, как это делали. Я не должен был видеть». Через неделю ты пришла к нему с табличкой.

Верра не пошевелилась. Только в груди что-то медленно, тяжело опустилось, как якорь в чёрную воду.

— Двенадцать лет назад, — сказала она.

— Да.

— Это был мой первый год. Я была новенькой. Меня послали по первому приказу, который не вызвал бы вопросов.

— Меня это не касается. — Голос у Сии стал сухим. — Мой брат видел, как режут страницы. Тебя отправили его убрать. Через двенадцать лет ты приходишь ко мне с вырезанными страницами в голове. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю.

— Говори.

— Что мои страницы вырезали. И что тот, кто это делал, видел его. И что меня использовали, чтобы заткнуть свидетеля.

Сия молча кивнула. Потом откинулась на спинку стула и выдохнула, длинно, медленно, как выдыхают, когда долго держали воздух.

— Хорошо, — сказала она. — По крайней мере, ты не глупая.

Мальчик на тюфяке заворочался. Старик с обмотанной головой молча встал, налил в кружку воды и поставил перед Веррой. Она не посмела отказаться. Вода была холодная и пахла железом.

— Вот что мне нужно, — сказала Сия, и в голосе её уже не было ненависти, только усталая, деловитая жёсткость. — Мы возвращаем имена. Но чтобы вернуть имя, нужна точная запись. Каждая буква. Имя отца. Год. Без этого ритуал не работает. А записей у нас нет. Орден хранит их в Цитадели, и мы можем получить доступ только к тем, что случайно утекли. Раз в год, раз в два.

— А у меня есть.

— У тебя есть четыреста тридцать одно. — Сия подалась вперёд. — Я знаю цифру, у нас есть осведомители среди писцов. Ты единственная сборщица, которая помнит каждое имя дословно. Не потому, что хочешь, а потому, что не можешь не помнить. Ты ходячий реестр, Верра Тайн.

— Ты хочешь, чтобы я их продиктовала.

— Всех. Мои писцы запишут. — Она улыбнулась криво. — А потом я начну возвращать. По одному, пока хватит сил. Пока руки не кончатся.

— Это убьёт тебя.

— Это сделает меня тем, кем я хочу быть.

Верра хотела сказать что-то ещё, но Сия подняла руку.

— Вторая половина сделки. Я знаю, что тебе нужно. Тебе нужна твоя собственная память. Ты хочешь знать, кто такая Ила, зачем она запечатала твоё имя и что было на вырезанных страницах. Я могу тебе в этом помочь.

— Как?

— Если найдём запись. Настоящую, полную. Ту, что осталась в архиве. — Сия постучала пальцем по столу. — Оттиск, который показал тебе старик, это только след. Настоящая запись лежит в Цитадели, в запертых ящиках, которые не открывал никто, кроме Магистра. Я не могу туда попасть. Ты можешь. Ты там жила.

— Меня объявили предательницей.

— Верно. Поэтому мы и не пойдём туда завтра. — Сия усмехнулась. — Сначала ты мне диктуешь. Потом мы составляем план. Потом, когда я верну хотя бы десяток имён и ты поймёшь, что мы делаем, мы идём за твоими страницами. Вместе.

— Ты мне не доверяешь.

— Нет.

— И всё равно предлагаешь союз.

— Я тебе не доверяю, — сказала Сия, — но тебе нужен архив, а мне нужна ты. Это не доверие. Это арифметика.

Верра долго смотрела на неё. Потом на свои руки, лежащие на столе. Двенадцать лет эти руки держали чужие имена. Двенадцать лет они не дрожали.

Теперь дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.